

РАССКАЗЫ

АЛФАВИТ

Слово может солгать, буква — никогда.

А. Астролябия

Человек, который придумал алфавит, умер, но алфавит до сих пор живет. Путь лежал к алфавиту, из Москвы в Будапешт и далее в Венецию, путь к книге Codex Cumanicus, сначала к копии, а затем к оригиналу.

Современный мой путь совпадал частично с древним путем этой книги, и тем был еще более ценен для меня, поскольку давал пищу осмыслить не только текст, но и все, что его окружало тогда и сейчас, прочувствовать то, что давало этому тексту пищу и кровь, что составило в конце концов его тело. Люди и города, по которым пролегал путь книги, их слова, имена, их повседневная жизнь, мечты и надежды, их победы и сражения, их изящные искусства и деятельное участие сопровождали на этом пути, как сопровождает корабль в море морской инструмент — точный и прекрасный.

Астролябии, выставленные в залах Венгерского национального музея, являли собой оригиналы весьма изящные. Астролябия значит в словаре как *astrolabe*, *astrolabium*, *as urlāb* — одно из космополитичных слов Кодекса, не требующее специального перевода. Миниатюрная астролябия неизвестного мастера из Магриба упоминается впервые в десятом веке в «Книге картины Земли» астронома Ибн-Корры, как, несомненно, прекраснейшая для определения азимута и незаменимая в исследованиях по сферической тригонометрии, измерения земных предметов, определения высоты звезд и широты земных просторов. Это астролябия усовершенствованной формы, не обремененная излишествами, линейная и простая, которую можно было использовать на любых широтах. Золотые небесные сферы и изогнутые лапки «паучка» на резной подвеске.

Рассказывают, что монгольский хан Хулагу хотел знать будущее. Будущее, что в виде гаданий представляли ему монгольские маги и колдуны, казалось ему смешной глупой сказкой, и он велел казнить всех своих магов и гадателей за их неумелость. При осаде Багдада хану сказали, что будущее он может узнать из рукописей Бируни и Ибн-Корры, так же как и о движении звезд, огромности земли и морей, тайных путях морских кораблей и еще о том, что лежит вне пределов земли, там, далеко в небесах. Хулагу приказал принести ему рукописи из библиотеки Дома мудрости. По преданию, хан взял в руки свитки, увидел чертежи, тригонометрические расчеты, карту небесных тел и ослеп на один глаз. Рассвирепев, он бросил свитки в Тигр. На глазах солдат и ар-

---

Асель Омар родилась в Алма-Ате в 1973 году. Окончила Литературный институт им. Горького, Высшие курсы сценаристов и режиссеров, аспирантуру РУДН (история философии, кандидат философских наук, Ph. D.). Автор книг и сборников прозы, вышедших в Москве и Казахстане (Алма-Ата, Астана). Публиковалась в журналах «Юность», «Нива», «Литература», «Сцена», «Простор», «Логос», «Энигма и др. Переводы поэзии с английского языка опубликованы в журналах и сборниках Боснии и Герцеговины, Черногории. Живет в Москве.

хивариуса библиотеки вода великой реки смыла с плотной бумаги чернила. Архивариуса пробрала дрожь, когда увидел, что на поверхности воды текст со свитка держался в целости. Библиотекарь смотрел на эти тексты, не в силах оторвать взгляда, под крики Хулагу о том, что он не понимает этих слов, дьявольских букв читать не станет, о чем бы они ни говорили. Багдадский библиотекарь все глядел на тексты на воде, это были отрывки из «Статики» Ибн-Корры и чертежи Бируни о небесных телах, глядел, пока рука хана с кинжалом в руке не оборвала его жизнь и кровь архивариуса не смешалась в водах Тигра с чернилами рукописи. Багдадцы и сегодня помнят, что тексты появлялись порой на поверхности воды, но не верили своим глазам, повторяя, что верить воде нельзя, а можно верить только бумаге.

Астролябия прожила две тысячи лет, начиная от первого ее экземпляра до последнего, не всякая на земле вещь техники имеет такую долгую историю. Полагаясь на ее точность, логику, лаконизм и красоту, человек открыл все земные и морские пространства, она помогла его любопытству искателя, как и теперь воодушевляет на поиск, дарит жажду нового, неизведанного, волнующего. Подлинная страсть к изучению астролябий ведома лишь знатокам, однако лучшие ее образцы способны очертить путь мысли, которая столько веков подвигала людей к испытаниям порой более рискованным, чем получение знания, к подвигам не только исследовательским, но более всего коммерческим и завоевательным, что было фактически одно и то же. Это ее изящные формы, ее механизм, безотказный и тонкий, служит и по сей день символом устремлений и побед человеческого ума. Сила и слава древнего компьютера распространилась на всю сердцевину Евразии, от Кордовы до Лахора, от Лондона до Александрии.

Б. Битов

Говорят, на земле должен быть писатель, которому можно позвонить и спросить, если что-то тревожит тебя. Израненному и одинокому, но несломленному человеку нужны его тексты, чтобы стать крепче, и сильнее становился ток крови, и спокойнее билось сердце, оттого что человек этот знал: Битов есть, и он будет всегда. Эмпатический синдром автора и сам является лекарством, снадобьем, в заброшенности и асимметрии неустроенного бытия. Может, он был такой один.

Ждал и он сам тепла и заботы, как ждут тепла и заботы от него. «Не думай о том, где тебе напечататься, думай о том, чтобы у тебя был текст, который ты предъявляешь миру», — сказал он однажды. Хотелось погладить его по руке, и было стеснительно очень, а все же провела ладонью по рукаву пиджака. Испугалась, что рассердится. Не рассердился, обрадовался, улыбнулся: «Хочется греться, как на солнышке», — сказал.

Говорят, детские фотографии хранят в себе тайну, и все неминуемые события, которые произойдут с героем снимка, можно прочитать в детских глазах, ибо уста младенца глаголят истину, а глаза его предвидят будущее. На детской его фотографии ему около года. Милый младенец, в глазах живы, беззащитны удивление и деликатность. Они были потом не раз подвержены холоду и дождю, но не спрятались, не изменили себе в ответ на грубость мира вещей и событий, остались навсегда.

Дождь идет над всей землей. Но тот, кто держит зонт над человечеством, кто беспокоится, чтобы человеку было уютно, тепло и не одиноко на земле, он есть Битов.

Ты помнишь это?

В. Верить

«Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii», как называет книгу библиограф Якоб Филипп Томасини в каталоге рукописей

Венецианской библиотеки, открывает свои страницы итальянской бумаги. Читая эти строки, оцениваешь гармонию и лапидарность каролингского минускула, краткость и удобство чтения этого письма было по достоинству оценено, об этом можно судить по тому, насколько усердно использовалось в переписке Половецкого епископства. Продвижению минускула способствовало и назначение в 1228 году папой римским приора венгерских доминиканцев Теодориха епископом половцев, когда король Бела усвоил себе титул «короля куманов».

Сколь длинный и сложный путь проделал этот небольшой по размерам манускрипт, размером с две ладони, от берегов Крыма, из стен францисканского монастыря, до Венеции, через Будапешт, где он оставил своего близнеца, копию, что его касалась рука Петрарки, как и первые руки тех, кто собирал и писал его? И теперь его ждет новая дорога, он пройдет через руки новых переводчиков, и его волшебная тень уже рассыпается по городам и весям современной половецкой земли.

Первый, беглый взгляд обнаруживает слова, живые по сей день, ничуть не изменившиеся. «*Sende, mende yok, tavda yok, iitlü tašta yok, qırçaqta yok. Ol, quş süt-dır*» — «*Нет ни у тебя, ни у меня, ни в горах, ни в каменных пещерах, ни у кипчаков, что это? Птичье молоко*». *Intellexi — anladim, intelligo — anglarmen, intellexeramus — anlamiş edik*. Понял, пойму, поняли. Глаголы подробно разобраны: Imperfectum, Perfectum, Futurum... Лексика купцов, парикмахеров, скорняков, писцов, красильщиков, врачей, язык благородных, словарь чувств, комплиментов, возражений, времени, пространства...

Кодекс Куманикус, птичье молоко нашей жизни, он и есть, и его нет, как сказка, он существует и манит к себе, но насладиться им в полной мере кажется невозможным, так он многолик и говорит словами бога и завораживающими загадками. Его содержание — чудо и прелесть языка, тайна и сила, красота и величие. Это живая бабочка, прилетевшая из дальних времен, но сегодня блистающая драгоценным блеском своих крыл. «*Tap, tap: tamiziq, tama-dır tamiziq, kölägäsi bar köye-dirgän tamiziq. Ol, köbelek*». — «*Угадай, угадай: капля, капающая капля, горящая капля, у которой есть тень. Это бабочка*». Угадай меня, если сможешь, говорит Кодекс. Горящая капля времени. Так говорят каменные скрижали, вечные стражи степи, возвышающиеся среди ковыля и емшан-травы, овеваемые ветрами времени, хранящие перед лицом космоса начертанные на них буквы, ибо к небу и космосу обращены их священные и в то же время доступные людям знаки. В проповеди об отпущении грехов переводчик-миссионер просит божьей помощи, «чтобы Он позволил мне как можно быстрее и лучше научиться языку, хорошо изложить вам слово Божье о прощении всех и вся».

Бог в Кодексе имеет несколько имен: Тенгри, Тенгри-бей, Крестус. В покаянной молитве Кодекс называет бога просто и ясно — Тенгри, имя старого тюркского бога влетает в строки Евангелия в роли Бога-отца, а порой и Бога-сына, как в вышитое покрывало влетают цветные нити: «Молю Деву Марию, святого Франциска, всех святых, пусть помолятся за меня Тенгри, да смилуется Он над грехами моими. Ты, духовный отче, волею Тенгри прости мне грехи мои!»

Д. Дунай

Говорят, что посреди битвы турул принес раненому, теряющему силы князю Ракоши не только меч, выпавший из его рук, но вместе с мечом мощь и ярость самого Аттилы.

В двух шагах от старого роскошного отеля в старой Буде, где мне достался великолепный номер с высоченными потолками, антикварным комодом и узким длинным окном, колыхающим тонкую белую штору, — основательное и крепкое здание железнодорожного вокзала, несущего ореол классического немецкого замкового стиля,

предок Павелецкого и Ярославского вокзалов. Минуя его, оказываешься у моста Свободы, висящего на цепях над охристого цвета водой. Каменные турулы распростирали свои крылья, возвещая о великом переселении народов. Скажи, божий вестник, птица-турул, глубока ли вода дунайская? Холодна ли?

Мощная и сильная река катит свои воды тихо, ровно, словно погруженная в самозерцание, и не беспокоит ее даже плавное движение большого теплохода «Иоганн Штраус». Вдали, по эту сторону Буды, плотными рядами выстроились вдоль набережной добротные дома плотного венгерского модерна, катил трамвай, темнели барельефы советского происхождения с вооруженными матросами на стене старинного дома, вдали просматривалась тонкая фигура Петефи. По другую сторону, в Пеште, средневековый замок с острым шпилем опирался на скалу, словно он вырос из нее. И вместе с монументальным движением Дуная вдаль уплывал великолепный город, красивый и богатый, словно гигантский ларь, наполненный ценностями. Холмы, спускаясь к воде, блистали куполами соборов и дворцов, не скупясь на роскошь и блеск. Формы куполов вобрали в себя все разнообразие христианских учений. По архитектуре можно прочесть историю венгерской религиозности. Будапешт — венгерский Рим, так много эпох собрано здесь, отлито в богатом разноцветье камня, щедрых архитектурных формах, эта земля хранит город как магический кристалл, в котором отражено все, что здесь происходило многие столетия. Взглянешь на любой будапештский вид и не спутаешь его ни с каким другим городом, узнаешь сразу: это Будапешт, красивейший город мира.

Неподалеку от отеля в корчме «Сербская утка» меня ждал сопровождающий, которого рекомендовал наш научный руководитель. Он говорил по-английски и по-венгерски, аспирант Львовского университета, специалист по караимскому языку Ивано-Франковска, Луцка и Паневежиса Александр Палий, как он представился в электронном сообщении. Готовясь к встрече, я подумала, что, конечно, надо произносить «Олэзь», с ударением на первом слоге.

Е. Есть

Латинское *est* отделяет мир мертвых от мира живых. Жаль, что в русском языке она отмирает, и мы не говорим теперь «Он есть человек», а только «Он — человек». Жизненная сущность небольшой частицы ставит все на свои места, подчиняется логике, делит время на прошлое, настоящее и будущее, дает имена и определения всему сущему.

Надгробия кладбища Сан-Микеле залиты солнечным светом, мир вокруг многоцветен и горяч, море теплое, ласковое и мирное, по верхушкам милых гладких волн прыгают солнечные блики, в воздухе разлиты кипарисовые ароматы. Мир так радостен и уютен, что кладбищенское молчание не может вытеснить его из сознания, мир — есть, и с миром покоятся на Сан-Микеле ушедшие в мир иной. «*Mors est portae, et omnis includitur*», — говорит старый длинный прямоугольный камень неизвестного мне предка, на макушке камня — маленькая каменная чалма, по обычаю крымских соплеменников, буквы потерты временем, но прочесть можно: «*Смерть есть дверь, и каждый войдет в нее*», ниже — маленький крест, тамга рода мадьяр и имя — *Andrea Kaiali*, рядом — Мариам Кайяли. Книга открыта на первой странице, и тот, кто умер, сообщает нам истину о бытии. Память и разум могут сколько угодно реять в поиске разгадок, торговец ли это был, воин, монах, писарь? Или он обжигал глину, ковал оружие, делал бумагу, был приказчиком в лавке пряностей, и его платье пахло кумином? Теперь этого не узнать, верно и точно только то, что он жил и теперь лежит здесь, человек из рода мадьяр. Жизнь исполнилась до конца, интуиция полна конечной информации, лаконичный язык латыни окончательно слился с жизнью.

Чтение эпитафий настраивает на философские размышления, хранит в себе сжатое высказывание о прошлом, настоящем и будущем, скупые строки эпитафий, особенно старинных, уже сами по себе есть смысл, нечто законченное, наполненное интуицией бытия. Все же потребность использовать частицу «есть» велика, это слово необходимо, хоть и делает стиль несколько старомодным. Подобно тому, насколько «смерть есть дверь», выражение «я есть» означает «я смертен», потому как логически «я бес-смертен» — невозможное утверждение. Когда человек открыл формулу «я есть», он, в сущности, открыл точку отсчета в познании мира и себя самого.

Без понятия о смерти, конечности человеческого существования, невозможно было бы существование понятия «я» вообще. Человек взывал к знаку на камне как символу вечности. Так говорит нам и сегодня с каменной стелы от лица умершего хана «Надпись в честь Кюльтегина» о памятнике, где в тексте памятник рефреном называется — «он»: «...сердечную речь мою знайте, сыновья десяти стрел, смотря на него. Его я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то знайте, я и воздвиг его, и сделал на нем надпись! Смотри на него, так знайте: тот камень я воздвиг, эту надпись писавший есть внук его Йолыг-Тегин».

И так говорил со мной камень на кладбище Сан-Микеле. Кайяли, конечно, итальянизированная форма его фамилии. Как звали этого человека на самом деле — Кайа? Кайалы?

Речной трамвайчик, качивая, потихоньку удалялся от берегов Сан-Микеле, остров все уменьшался, укрывая за своими каменными стенами вековые тайны, он укрывал их навсегда.

Ж. Живой

Кровью ли написал ты, автор несчастный? Или чернилами? Будапештская библиотека, где хранится копия Кодекса, снова принимает в свои объятия. В «Венгерской орфографии» Матьяш Деваи указывает, что притяжательные склонения имен происходит по половецкому типу, например, *könyvem* — «моя книга». Эмоциональное значение грамматики чрезвычайно велико. Скажем, радостное чувство вызывает уверенный суффикс *-er*. Придет — *geler*. Знающий — *biler*. Бряцающий, как звук энергии, звук металла в кузнице, он придает сил. Интересно изучать язык чувственно и только потом как систему. Чувственность помогает прийти к стройности в осознании структуры и стиля, развивает память, эмоция помогает запоминать. А стиль? Что стиль? Легкомысленный друг — соединение ума и красоты, рациональности и безрассудства, то, что невозможно постичь логически. Прилежание и старание нужны, чтобы познать его законы, но при этом после можно создать и свой собственный стиль. Как объяснить эту текучую массу? — лукавство, да и только. Стиль — чертова погремушка. Ремесло загадкой, доступное многим, но мастерство избранных.

О жизненной сущности языка говорит, например, то, почему глагол в повелительном наклонении короче инфинитива, его породившего. Разумеется, повелительное наклонение, или, как говорится в Кодексе, *emir* — проявление власти, не утруждающей себя церемониями и сантиментами, проявление чистой силы, абсолютной воли. В этом вопросе языкознание обнимается с философией, но все равно лингвисты, эти теоретики, никогда не перешагнут трепетной грани искусства, чувствуя между тем ее вполне определенно. Не переступят, и верно, и будут правы — хотя что может быть вполне определенным и верным в науках о духе — ничего, разумеется. Вот если бы выпало жить тригонометрией, была бы другим человеком, с другой судьбой, человеком, знающим толк в удовольствии от симметрии или пропорции. От логики. Тригонометрическую функцию воспринимаешь как выражение абсолютного счастья, вызванного

определенностью. И, напротив, тригонометрия запредельности, физика запредельности, метафизика, сплетающаяся с философией и религией, — не что иное как смятение человеческого разума, тревожная неопределенность, убийство логики, невозможность уравнения, гибель тригонометрической красоты. Натяжение струны греческой лиры в кровь ранит пальцы играющего, но в сочетании боли и красоты рождается музыка — так и запредельность метафизики задвигает логику на задворки. С помощью неизбежной боли и крови, так и с помощью ужаса и восхищения перед хаосом запредельности возможно проще отнестись к логике, осознать и полюбить ее как высшую гармонию. Запредельность дарит изучающему вдохновение и жизненную силу.

Грешен, грешен есмь... *«Радуйся, Дева Мария... сын твой от Тенгри... прости нам грехи наши...»* Оборвал строку в немецкой части венгерский копиист Дрюль, перенес на оборот страницы, резко прервал дыхание. Но есть радость, что Суманісус сохранился в целости, он жив и теперь в первоизданном своем виде, в результате цепи счастливых обстоятельств и случайностей. Теперь понимаешь это ясно и тревожно, боясь спугнуть, промолвив вслух, ведь язык — живой, жизненный, оживляющий.

Чувства врываются в твою жизнь неожиданно, ты не в силах управлять ими, метафизика побеждает. Ты — не есть я. Я и ты — есть мы. Сердце ухает вниз, бьется сильно и отчаянно — все это, все, чем живу и во что верю, существует во мне, все-таки поверь, прочти постскриптум, Александр, я люблю тебя.

3. Загадки

Опять о чудесных выдумках. Волшебные сказки, чудо-шкатулки с драгоценностями, радость и счастье волшебного эпического жанра, магия выдумки, способной разволновать и согреть сердце жителя мегаполиса, как горячий медовый отвар. Маркес, Фолкнер, Куросава, Гоголь.

И когда метро дыхнет на тебя запахом креозота, а сзади подтолкнет в теплое чрево андеграунда колючий ветер ноября, чувствуешь — неуютно, плохо, темнеет рано, темно и холодно, люди мрачные, небо серое, запах креозота. Зайдешь домой, в квартиру, где топят по-московски жарко, и под свет настольной лампы в ранний осенний вечер под шелест дождя за окном читаешь: «Я был человек, созданный по соизволению самого Черного Ворона... Судьба моя predeterminedена с рождения — не ведать, пока живу в Среднем мире, никакой неудачи, не подвергаться случайному несчастью». Получается, состояние человека можно преодолеть. А как же тогда быть со смертью?

И так любопытно становится, хочется читать дальше и дальше, и беспощадная колючая московская осень становится вдруг спокойной и уютной.

И. Информация

Мы тонем в дьявольском потоке информации. Он растет ежеминутно. Плынешь в потоке, только открыл одну страничку Интернета. Великие события и рецепты буррито в одном флаконе, смешение великого и ничтожного в Интернете убивает любой пафос. Полонский в Камбодже, жилой комплекс с развитой инфраструктурой, новые факты о Варшавском восстании, гибридная война, звезды — жертвы фотошопа, контракт Лионеля Месси, как начать жизнь с чистого листа, поликлиники вводят в заблуждение граждан, новый двигатель «Фольксвагена» Туарег, самый высокий небоскреб в ОАЭ... Можно заплакать, как заплакала перед экраном компьютера Лилу из «Пятого элемента».

В потоке информации кто успевает что-то заметить? кто пробегает не только заголовки? И замираешь ненадолго, если в заголовке о чьей-то смерти, и несешься дальше, отмеряя дни, годы, века. Смерть в фейсбуке — страницы мертвецов, их же

страницы в телефонных мессенджерах. Страница мертвого поэта так и висит в фб. А кто ее закроет? Он был одинок, распоряжений насчет страниц в соцсетях не оставлял. Последняя его мужественная и краткая запись о добровольном уходе из жизни, нестерпимо тяготившей по причине тяжелой болезни, как и его стихи и фотографии, так и висит, и случайный прохожий по страницам фейсбука взглянет, вздохнет и поставит очередной грустный смайлик, как оставляют цветы или камни на кладбище. Он написал, оповещая мир о том, что покидает его в трезвом уме и твердой памяти, что видно из этих логичных, без жалости и слез, строк, и тотчас совершил это. Мы прочитали и не смогли ничего сделать. Мы, знавшие его, живущие каждый в своем уголке мира, разные люди, прочитали эти строки. Он хотел уйти достойно, и он нашел такой способ сказать нам об этом. Страницы мертвецов, которые создали некогда живые, остаются как эпитафии виртуального мира. Виртуальный мир породил свой вид захоронений. Так посылаешь грустные смайлики покойному другу на ватсап, и вдруг мертвец отвечает: «Зачем шлешь ты мне грустные смайлики?» Очень страшно это было. Оказалось, номер уже продали другому человеку.

К. Колыбель

Небо дышит майским теплом и покоем. Изредка набегают маленькое облачко, густое, как взбитые сливки, и день на несколько мгновений сереет. Но вот снова нежная листва радостно шелестит в солнечном свете, оставляя на сухом асфальте дырчатую тень.

Ветер доносит струнную какофонию из открытых окон оперного театра. Молочно-фиолетовые сугробы сирени громоздятся по верхам аллей, сиреневое море играет цветом от холодно-голубого до почти белого, сливочного, и утренний сиреневый запах густ и прекрасен, что кажется, он беззащитен в своей щедрости и открытости, дух захватывает, и взгляд никак не может допьяна напиться этой пенной прелести. Стволы сиреневых кустов спиральные, у основания голые, и сквозь празелень можно легко разглядеть их замысловатые узлы.

Вдоль центральной аллеи — три миниатюрных, словно игрушечных, круглых фонтанчика красного гранита, чуть ниже — памятник Ауэзову, далее следуют ступенчатые фонтаны с резным гранитным узором. Стоя по колено в воде, мы в детстве ловили в них головастиков. У этих фонтанов, под шариками фонарей, ближе к вечеру собирались местные пенсионеры. Приходил сюда и мой дед — в полотняной «ленинской» кепке и льняном френче с отложным воротником и большими накладными карманами, по моде хрущевских времен. И многие старики носили такие же кепки и френчи. Сюда приходили журналисты, литераторы, ученые, похожие на моего деда, с «Известиями», «Спортом» или «Правдой» под мышкой.

Обернешься назад, на горы, поднимешь глаза к туго натянутому утреннему атласу неба, покрытому жидкими облаками, на всю благодать моего родного города, и в который раз удивись прелести весны, красоте регулярного парка, невозмутимому спокойствию воздуха и отцветающим тюльпанам. Все наполнено светом, и горы эпически вечные, словно каррарский мрамор, выдают в утреннем мареве каждую холодно-синюю прожилку, их вершины сеют в вышине равнодушный ко всему сахарный блеск.

Вечером огненно-рыжие закатные краски расцветят небо, вечерний горный бриз растреплет облака, и круглое солнце будет медленно опускаться в колючие залежи туч. На прощание пискнет сонный щегол, и в мягкой тьме южных сумерек разольются терпкие ароматы молодой зелени, способные очаровывать, как самые лучшие местные вина. Тебе, мой город, я посвящаю этот вояж, полный загадок и трепета путешественника перед неизведанным, вояж, дышащий волнением ученого перед тайнами

герменевтики, перед чудом прикосновения к источнику. Колыбель моя и материнское плато, будьте благословенны. Колыбель человеческая висит над миром, над звездами и облаками. Будь благословен и ты, спелый алма-атинский май, вестник эдемской погоды, город под знаком Близнецов, я люблю тебя, и каждый год жду как счастье и надежду.

К. Команико

Спряжения *chomanicho* истолковано францисканским миссионером, жившим в Кафе, как настоящее продолженное время — сейчас я иду, я существую, у меня есть пять листочков шафрана. Я — есть, мыслю, следовательно, существую. Я чувствую, значит, еще живу. Кто ты, автор, водящий пером по листу, такой податливый и торопящийся за сознанием, за живым чувством, потакающий собственным прихотям и при этом очень боящийся ошибиться, пытающийся быть объективным, насколько вообще может быть объективным живое человеческое существо, — кто ты есть, как не хранитель времени?

Трепещет над воспоминаниями, впечатлениями, обрывками фраз, хранит их, как хранят в чулане старый велосипед или чемодан без ручки, с нездоровым педантизмом архивариуса раскладывает все это свое богатство в ящички несуществующего бюро, сидит перед ним в воображаемом кресле. Боится потерять. Боится, но теряет, снова находит и раскладывает по ящичкам. Плохо помнит, куда положил ключи от дома, но воспоминания свои и ассоциации лелеет, мгновения тщится сохранить, а хуже того — вернуть из прошлого звуки, лица, слова, возродить, чтобы рассказать о них. Хорошенькое занятие, ничего не скажешь.

М. Мама

Она любит Гогена, Параджанова, Хамдамова, Жана Поля Готье, Галлиано. Детство пронизано ее вещами, ее любовью к маленьким безделицам, к декоративным вещам: браслетам, коврам, покрывалам, вышитым скатертям, художественной керамике. Ее наряды все с привкусом театральности: бархат, кружево, шифон. Веер, зеркальце с мамзелью Альфонса Мухи на обороте. Туфли ее всегда открытые, на шпильках, их почти и не видно, настолько тонки перемычки и ремешки. Их невозможно носить. Только если едешь на автомобиле с водителем. Полная незащитность, хрупкость. Как она носит их? С тонкими ремешками. Бархатные бордовые туфли на тонком высоком каблуке.

Авангард-винтаж-авангард-винтаж-шелк-кожа шелковистая-запах Dior. Снова кружево, чулки со швом, серебряные босоножки на стеклянном каблуке. Как она носит эти шпильки? Это страшно, будто открытый космос — на таких шпильках нельзя устоять, упадешь, подвернешь ногу, нет земли под ногами, бездна вокруг. Шпильки меняют мой взгляд на жизнь — я боюсь, что не выстою на них и погибну или получу травму. Боюсь боли.

А у нее высокий подъем — ножка крепкая, устойчивая. Не боится высоты каблучков, очень смелая: «Ты влюбилась? Он хороший человек?»

Н. Некто

Переводчик, интерпретатор, предатель. Он один знает то, что знают двое. Проверить переводчика симультанно невозможно, да и кто будет проверять? Ведь нет абсолютной оценки для интерпретации, это не копия. Такого сделать человек не может, это дело высших сил. Даже копия, по сути, — интерпретация.

Народ создал метафоры, сохраненные в *Sumanicus*. Это все же какие-то конкретные люди сочиняли, талантливые, а другие подхватили. «Кровь есть у стекла — это огонь, он разливается ящерицей по черноте». Ящерицей. У стекла есть кровь. Я испытываю ревность к восхитительным выдумкам. Чудесны эти выдумки.

О. Ого. Золото

Слово — самое точное орудие, какое было когда-либо у человека, но филология еще не достигла точности угаданного слова. Ей пристала скромность. Она при слове, а не слово при ней.

А. Битов. Уроки Армении

Огромный зал библиотеки Марчиано, сверху тянутся бесконечные балюстрады с книжными полками, сверху из арки смотрит скульптура Петрарки. Чувствуешь себя таким маленьким в царстве книг. Письма из Министерства культуры и от университета помогли проникнуть в каталог восточных рукописей. Маленькая книга формата кватро в пергаменте кофейного цвета, вот она. Я смотрю на нее, стараясь унести в ощущениях все до мельчайших подробностей, трещины переплета, ровность букв неизвестного монаха, скрипевшего тростниковым каламом в скриптории монастыря в городе Сарае, водяные знаки, печати владельцев и библиотекарей на страницах хрупких и сильных, красочные инициалы, легкие полупрозрачные фигуры людей и животных, набегающие на текст. Смотрю, чтобы после встречи с Кодексом войти во второй, другой этап своей жизни, уже с новой «памятью восторженной и дырявой», как пишет Андрей Битов. Руки библиотечного скриптолога в перчатках ловко управляют со страницами, к которым боязно прикоснуться. Названия камней и металлов, званий, титулов и гражданских прав, птиц и зверей, тканей и пряностей, ремесел и инструментов. Фотокамера щелкает без вспышки, тихо и стеснительно. «*Argentum — Cumis*», «*Ferrum — Temir*», «*Imperator — Khan*», «*Rex — Soltan*», «*Princep — Beg*», «*Curia — Orda*», «*Necesse est — Kerek*»... Снова молитвы, и снова словарь, спряжения, числительные, падежные окончания, названия стран мира и планет, словарь общения, словарь немецкий с арабскими транскрипциями персидских слов, заметки по фонетике.

Солнце идет к зениту и щедро заливает светом гиацинты, заключенные в литую резную ограду. Сбрасываешь одну туфлю, чтобы поболтать ногой в зеленой воде канала, сидя на горячих камнях мостовой. Мы смотрим, как гондольер выруливает на Большой канал и неторопливо гребет, напевая песенку. Песенка простая, о гиацинте, который рад, когда светит солнце, и грустен, когда накрапывает дождик. Негромкий и светлый тенор, приятный, как теплое молоко. Мимо, ненадолго заглушив песенку, пробегает водный трамвайчик. Лодочник завернул в мастерскую, что на пути к пристани Сан-Базиль.

На площади Манин мы покупаем зелень, томаты и сыр. Кажется, это счастье будет длиться бесконечно.

— Выходи за меня.

Мы долго идем узкими улочками, мимо витрин с цветным стеклом, уличных лавок с карнавальными масками, толкаясь в толпе туристов.

П. Поэмы

Если вы бывали когда-либо в ущелье Медео близ Алма-Аты в октябре, вы согласитесь, что краше этих мест, дышащих всеми красками осени, от теплых, золотых до багровых, холодных и синеватых, трудно найти в мире. Я люблю эти горы и холмы, по-

росшие густыми травами, дымчатым ельником и, конечно, сильными и густыми яблонями, асфальтовую дорогу, уводящую далеко в горы, яркое южное небо и непривычный для приезжего разреженный воздух. Здесь я родилась, в городе душном и задымленном, подпираемом снизу, с низменности, промышленными предприятиями и уходящем вверх, в горы, в поднебесный климат и нетронутую альпийскую природу. Люблю эту землю безотчетно, инстинктивно, как ребенок любит мать, живу давно уже далеко отсюда и дышу воспоминаниями о детстве, проведенном здесь, как человек дышит кислородом. Но, как говорил Чаадаев, выше любви к Родине — любовь к истине. И потому, уповая на высший разум и отдаваясь течению времени, стараюсь припомнить все, не лукавя, прося лишь путем припоминания понять, открыть что-то более важное, ради чего стоит жить, и заплакать, принимая все, что было, и радоваться, прося прощения и спасения.

С. Свиньи.

Рукопись, не вошедшая в Абердинский bestiарий

Свиньи — социальные животные и в своем обществе всегда образуют строгую иерархию. Самый крупный самец доминирует даже в небольшом стаде. Вопрос о лидере решается путем поединков, в результате чего вожаком становится наиболее сильная особь.

Джойс писал в метафорическом смысле, что, мол, «Ирландия, как старая свинья, пожирает свой помет». Но и Хронос пожирал своих детей.

Существует предубеждение, что свиноматка без хвоста, как воплощение самого дьявола, поедает поросят. Природа устроила так, что свиноматки едят поросят в случае плохого прикорма, от голода и жажды. Взрослые особи проходят мимо погибающих поросят совершенно равнодушно. В связи с этим возникает вопрос об отсутствии у свиней интеллекта. Но дело в том, что свинья чувствует приближение смерти. Она улавливает приготовление к убою, которое проводят хозяева, слышит звуки, голоса, видит какие-то действия, и это заставляет ее прятаться в глубине загона.

При кормлении к кормушке подбираются первыми доминирующие самцы, и более слабым особям может постоянно не хватать корма, вследствие чего они могут заболеть или издохнуть.

Свиньи могут проявлять агрессию к своим соплеменникам. Это происходит в случаях тесноты в загоне, при борьбе за корм, при плохих условиях содержания. При хорошем питании, в хорошо организованной жизни в загоне социум свиней настроен более дружелюбно.

Поначалу это было священное животное древних египтян. В образе черной свиньи являлись людям два божественных родных брата — Осирис и Сет. Осирис научил людей земледелию, виноделию, садоводству. Но после того, как Сет победил Осириса в битве за власть и надругался над его телом, а именно отняв его мужское достоинство, боги прокляли Сета. С тех пор свинья как священное животное Сета стала «отвращением для богов», нечистым животным. Досадно, что далее данное отношение к свинье перекочевало в Ветхий Завет и Коран. Тем не менее небесная богиня Нут еще долго изображалась древними египтянами вместе с маленькими звездочками в виде поросят.

У. Утро

«Тот не любит города, кто не ценит его рубища, его скромных и жалких адресов, кто не задыхался на черных лестницах, путаясь в жестянках, под мяуканье кошек...» — чудесно, точно, чувственно написал О. Мандельштам в «Холодном лете».

В то время качнулся роскошный, блистательный Кузнецкий мост, раздвинулись здания, оторвалась ветвь Ар Нуво от стены и полетела в небе над банкирскими зданиями, булыжная мостовая пошатнулась под ногами. Волнение залило светом постепенно, как неон окатывает улицы в октябрьских сумерках, и все в мире стало уютно, как на рождественской открытке, живописно блистала каменная мостовая в свете фонарей, и очертания домов становились резче, чувственнее, осязались физически. Все, ради чего бьется сердце, ради чего совершаются открытия, ради чего начинается утро и приходит ночь, это был он. Были его слова о мобилизации на военные сборы в Харькове, этого не могло быть, но это случилось. Сердце ухнуло вниз. Слезы ни к чему, нам остались молчание и неизвестность. «Это скоро закончится, скоро, я знаю... Не будем плакать, верно? Телефон у меня будет, там разрешается, я узнал. Ты поняла? Ты слышишь?»

Z. Зифалом

Книга Зифалома была для меня открыта и известна в той степени, которая была нужна для исследования Кодекса, книга городка Зифалома, где мы посетили библиотеку музея венгерского языка. Теперь все, что касалось Кодекса, врывалось в эту книгу в виде живых картин.

Небольшой зал со стеклянными стенами и белыми высокими потолками в технике современного искусства демонстрировал слова на табличках, развешанных на веревочных шнурах, как на ветвях дерева, от одного корня во все стороны зала. Школьники, пришедшие на экскурсию, разглядывали слова, висящие в воздухе на табличках, преломляющих свет солнечных лучей, падавших в высокие окна.

За окном автобуса из Зифалома в Токай мелькали виноградники, в этом году залитые дождевой водой. В Токае рано утром, на маленьком винном подворье, мы застали Аттилу, его хозяина, врасплох. Аттила обрадовался, заговорил по-английски, накрыл столик во дворе, поросшем подсолнухами и с глиняными горшками на плетне. Отпер свой винный шкаф, предлагая выбрать бутылку на свой вкус. Из темноты винодельни его фигура темнела на фоне подсолнухов в ярком солнечном свете. Он поднял глаза к небу, глотнул абрикосовой настойки из маленького стеклянного стаканчика, улыбнулся, глядя на нас, на свой двор, на подсолнухи, и удовлетворенно сказал: «*Life is miracle!*»

В тот момент, когда еще не было ясно, чем окончится первое путешествие Кодекса, когда тот, кто вез его, рисковал быть убитым, сгинуть на долгом и опасном пути, потеряв этот труд навсегда для мира и для людей, перевозчики везли его бережно, книга была им очень нужна. Мой же путь за книгой был окончен, жизнь внесла свои коррективы, а точнее, она шла своим естественным ходом. Но мы всегда храним красоту и любовь, которую дарит наш путь, мы не можем это потерять, даже если не знаем, чем это закончится. Хрупкость жизни не пугает нас, когда мы обретаем нечто прекрасное, как буквы и слова на страницах старой рукописи, мы не можем это потерять. Жизнь продолжалась, добавляя свои строки в книгу, которую мы пишем каждый о себе.

МАЯТНИК

В руке учителя физики качался маятник, серый камешек на веревке. Раз-два, вправо-влево. Раз-два. Роланд Петрович качнул маятник сильнее, и время заторопилось. Маятник не знал прошлого и будущего, но своими глазами мы видели, как идет время. В то же время невидимый маятник тоже двигался то быстрее, то медленнее, отсчитывая время нашей жизни.

Вечером Рональд Петрович повел нас в кинотеатр на фильм «Амакорд». Пленка кинопроектора бежала, отмеряя время жизни других, незнакомых, но таких близких нам людей. В фильме шел снег, и юный темперамент героев кипел и противоречил дряхлой морали учителей: «Ты трогаешь себя? Ты знаешь, что святой Луиджи плачет, когда ты себя трогаешь?» — «Пусть плачет себе на здоровье». Просмотренные кадры уходили в прошлое вместе со слезами и горькой иронией. Но навсегда остался привкус легкой грусти и надежды на лучшее. Мы выходили из кинотеатра в темноту города, и впечатления волновали, заставляя сердце биться сильнее, и в эти моменты жизнь разворачивалась перед глазами во всей ее широте.

Красивое лицо Рональда Петровича, мужественное, скуластое, его аккуратные небольшие руки, громкий голос, его натура независимая и страстная восстают в памяти часто, то удаляясь, то приближаясь. В моем городе детства учитель физики восхищенно рассказывал нам о романе «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли, только что вышедшем в журнале «Иностранная литература». Искренний и порывистый голос его грохотал над школьной лабораторией: «Как, как вы могли его не прочесть?!» Учитель трагически сотрясал руками в воздухе. Мой сосед по парте по прозвищу Рыжий надул презерватив, шарик проплыл над партами, с грохотом лопнул. Мы хохотали. Помню гнев Рональда Петровича, его раскрасневшееся лицо. Учитель громко кричал на Рыжего, но в этом голосе никогда не бывало злости, это был скорее праведный гнев.

Рональд Петрович требовал «легко понимать» устройство линзы, не усложняя, воспринимать своими глазами и только потом переносить все на бумагу в виде формул и задач, расставлял линзы на кафедре рукой привычной и естественной по отношению к любимым вещам. И даже в этом чувствовались его внутренняя сила и свобода человека умного, доброго и строгого.

Троллейбус катил учеников с учителем мимо площади, ее осыпал снег, в ночном небе проплыло горящее неоновым огнем знакомое с детства изображение Ленина на фасаде обкома партии. «Хоть есть на свете много стран, куда хотим попасть, но всех милее город наш, где родила нас мать», — в голове все звучали слова простой песенки из фильма.

Аэропорт

Прошло много лет. Маленькое и немногочисленное здание аэропорта имени Федерико Феллини сонно дышало июльской жарой. Хотелось узнать город Римини и его жителей, у которых «натура надменная, но щедрая, преданная, но упрямая», как говорил адвокат в «Амаркорде».

На автобусной площадке сразу по прилету украли чемодан. Служащие контор по аренде автомобилей, туристических агентств, провизор из аптеки, встрепенувшись от дремоты, поспешили за мной на помощь. Наша маленькая взбудораженная процессия миглом домчалась до полицейского участка аэропорта.

Участок напоминал небольшой офис, все в нем было белым и чистым: столы, пластиковые стулья, конторские шкафы. Пожилой жандарм неспешно принял жалобу, сетуя, что видеокamеры в аэропорту сегодня не работают и вообще воров развелось до черта, но дело чести итальянской полиции приложить все усилия... Двое его коллег куда-то тихо удалились. Ощущение безнадежности моего дела уже переросло в смирение, когда меня окликнули снаружи: чемодан был найден.

Помню милые лица тех людей, работников маленьких контор аэропорта, обрадованных счастливым завершением дела, улыбки на их лицах. Все запыхались от суматохи и беготни, но глаза просветлели, они уверяли, что Римини приветлив и прекрасен.

Старый кинотеатр

Тени наклонных черепичных крыш отсекали солнечные лучи, стены домов отзывались на геометрическую игру солнца, принимая на себя прямые линии света и тени. Тонино Гуэрра писал: «Слова звучат по-разному под дождем или на солнце». В июльском Римини солнечный свет заливал все вокруг, слова становились тяжелее, глаза уставали замечать детали, хотелось обрести тень, чтобы вновь узреть четкие очертания предметов. Света было много, он становился осязаемым, его всеохватность придавала происходящему вокруг эпическое звучание, поскольку в окружающем пространстве царили только солнце, синее небо и светлый камень.

Пустынная, гладкая, словно промасленная, каменная мостовая пролегла вдоль хай-тековского невысокого здания банка, собора Малатестиана, полуразвалившейся римской аркады, небрежно поросшей кустарником.

Проспект Императора Августа в полднем зное навевал звуки и голоса древнеримской улицы, всплывали из отдаленного времени гул толпы, грохот колесниц, несущихся на скачки, теснящиеся к стенам прохожие, торговцы, прячущие свои утлые прилавки от разгоряченных лошадей и клубов пыли. Блещущий буржуазной респектабельностью современный проспект Августа переносил через время и пространство, не давая забыть его великое прошлое, напоминая о нем молчаливыми камнями римской мостовой, до блеска отполированной временем.

В тот день вдоль проспекта расположились ряды блошиного рынка. Звуки церковного колокола, плывшие навстречу, освящали эти бесчисленные предметы разных эпох: парадное зеркало в позолоченной раме, механическую машинку Зингера, модель каравеллы, гипсовую голову Нептуна, застывшие фонтаны люстр венецианского стекла, пасторальный пейзаж эпохи рококо, секретеры, хранившие чьи-то тайны, глазурь фарфоровых статуэток, блюдо с изображением битвы испанца с сарацином, портрет святого семейства, прислоненный к фонарному столбу.

Из кафе доносилась знаменитая песенка из фильма «Сладкая жизнь»: «Рынок иллюзий — самый потрепанный, на нем мы продаем славу и надежду, здесь вы можете купить и успех, но какую цену вам придется заплатить?..» Интересно, почему именно эта музыка звучала тогда, как будто кто-то неведомый знал, о чем я думаю? Нет, это скорее совпадение, и мы отмечаем в окружающем пространстве то, что интересно нам.

Незаметный и скромный, в первом этаже жилого дома показался старинный кинотеатр «Folgar», знакомый по тем самым кадрам из далекого детства. Здесь Тутти увидел Градиску и забыл обо всем на свете.

Старый кинотеатр ждал реставрации. Деревянная овальная табличка облупилась, на грязном стекле желтела старая афиша «Фестиваль Фонда Феллини» с красноносой рожницей клоуна. Вход был заколочен фанерой, окна покрыты следами дождя. Хорошо, что я увидела кинотеатр первозданным, обветшалым и одряхлевшим, таким он больше отвечал моим ожиданиям.

На террасе подали кофе. Поданный в тени, он был дороже, чем такой же на солнечной стороне террасы. Рядом высилась фигура Юлия Цезаря, подарок городу от дуче. Трагические глаза Мадонны с картины святого семейства смотрели куда-то вверх, туда, где на серой стене виднелась бронзовая доска с барельефом суровым и немногословным, тремя оборванными веревочными петлями виселицы, в память о трех казненных на этой площади участников итальянского Сопротивления. Я все еще здесь, на улочках Римини, воспетых Пасколе и Д'Аннунцио, среди птиц, домов и деревьев, и истертые воспоминания, подобно звукам плывущей в воздухе мелодии, наполняются яркими красками и свежестью.

Лестница в небо

Ступени металлической лестницы вели на жестяную крышу магазина одежды. Отсюда мы с Куколкой, моей подругой, пятилетние девочки, смотрели, как из школы возвращается Костя, он был уже первоклассником. Сентябрьский веселый ветерок слегка подгонял по асфальту красные кленовые листья — верную приметку осени. Костина голова мелькала среди листвы. И тут он увидел нас. Ветерок дунул сильнее. «Мадам, вы, кажется, сверкаете», — сказал Костя, невозмутимо глядя снизу на Куколку. Она покраснела и одернула сарафан, взлетевший от ветерка. Костя свернул в свой подъезд. «Ты слышала, как он сказал? Галантный...» — мечтательно вздохнула Куколка.

С балкона нашего отеля хорошо было смотреть, как ярко и мощно сияли звезды южного неба, как слегка колыхалось белье на соседских балконах и покачивались огромные веера старых пальмовых ветвей. В темноте, на стене напротив ярко светился узкий прямоугольник окна. Вдруг ставни захлопнулись, и желтый прямоугольник исчез, словно его и не было. В безветренной ночи тонула теснота черепичных крыш. Уличный фонарь в узком проеме двора бросал оранжевый конус света на приставленный к стене мопед. Чуть далее, за апельсиновыми деревьями, тянулись железнодорожные столбы, ночная электричка на Фаенцу коротко простучала колесами, негромко присвистнув, и исчезла. Было приятно сидеть на нагретых ступенях лестницы, ведущей на крышу, ощущать себя немного над землей. Отсюда жизнь видится по-другому, как будто летишь невысоко и легко в прозрачном воздухе, над оливами и пиниями, в серебряном свете месяца, среди кучерявых очертаний облаков на небе бархатных угольных тонов.

Лестница нужна, только когда она устремлена в небо. Человек, взобравшийся по ней, кричит, как дядя Тео из «Амаркорда»: «Я хочу женщину! Я хочу женщину!»

Genius loci

Улица Гамбалунга, высокая и узкая, вся в сером камне, прятала свои богатства за холодным цветом высоких стен, создававших замкнутую тень. Внутри тенистого двора, увитого плющом, за узорной решеткой скрипела, пропуская посетителя, тяжелая дверь библиотеки, где хранится первое издание «Божественной комедии». Бил церковный колокол. На пустынной улице показалась женщина на велосипеде. Оставив велосипед у стены, она, перекрестившись, вошла в ворота собора.

Дремали полуденным сном восхитительные изящные городские усадьбы, окруженные высокими ажурными решетками, свешивая на улицу пышные ветви садов. Между ветвей, на доме юного поэта Джованни Пасколи виднелась табличка: «Он жил здесь при подготовке души и разума к поэтическому творчеству». В другом окне, меж тонких колонн, была открыта ставня, и ветер романтично трепал прозрачную штору, за которой проглядывал уголок тонконогой софы и играла фортепианная музыка.

Вечер был тихий и светлый, над горизонтом тянулась тонкая гряда облаков, подерумяненных закатом. Низкое солнце освещало камни моста Тиберия, белые, покрытые медными пятнами старого мха. Стальная вода реки была недвижна, лишь изредка вспыхивала хрустальными бликами вечернего света. Яркие островки ряски стояли на поверхности воды вдоль берега. По ту сторону моста, вдали, торчали башенные краны, а перед ними вдоль набережной нестройно теснились домики под черепичными крышами, прижавшиеся друг к другу, и высилась колокольня церкви Святого Михаила. Это и был Сан-Джулиано. Говорят, в каменной кладке моста есть несколько

камней, заложенных Цезарем, и на них каждую ночь появляются слова — послания императора, но никто не успевает их прочесть.

По дороге мне встретился пожилой благородный, модно одетый синьор, красивый, с прямым римским носом, этакий щеголь в синей льняной рубашке, белых шортах и шляпе итальянской соломки. Он прогуливал рыжего шпица. Его лицо просияло, когда он услышал вопрос, где найти народные рисунки на стенах домов, муралес, рисунки о Феллини?

Кто мы и дом наш где? Возможно, дом мы ищем там, где люди живут незатейливо и буднично, как рыбаки с берегов Мареккьи воспринимают свой невод, улов и непогоду. И чтобы вернуться к своей собственной первозданной природе, мы ищем того, кто расскажет нам историю об этих людях беспристрастно и увлекательно, с мастерством непринужденным, незаметным, таким, что рассказ этот покажется не придуманным, а существующим от века.

Невидимые следы людей оставались на мостовой Сан-Джулиано, живого, красноречивого и колоритного, и в его воздухе великий рассказчик находил свои образы. Вот и он сам, нарисован рукой неизвестного художника на стене дома, среди узких улочек Сан-Джулиано. Трава пробивалась в щели мостовой, возле стены прыгали воробьи. Размятый в руке листочек лимонного дерева терпко благоухал, сушились скатерти на веревке, натянутой меж домов над улицей, во дворе стояли кадки с геранью и крошечный красный автомобильчик «пежо».

Градеска глядела со стены из темной комнаты, уперев тонкую руку в длинной перчатке на круглое бедро... Угощайтесь! Возможно, имена авторов этих рисунков хранят керамические таблички на дверях Сан-Джулиано: капитан Рампи Тибальдо, адвокат Лорна дель Пакко, семья Джирардели-Уголлини. Он их, плоть от плоти, естественное продолжение их жизни, их современник. Они любят его и сегодня.

Мы всегда вспоминаем. Плыдем на большом корабле под названием жизнь. Почтенный синьор показал в сторону церкви — возможно, вполне возможно, здесь молился юный Феллини и его друг Тутти, и здесь грустит статуя святого Луиджи и плачет, когда Тутти трогает себя. Тихая, сдержанная радость незнакомого синьора говорила лучше всяких слов, что Феллини здесь, с нами, вот пройдите, и вы поймете. Он куда не уходил, возможно, он ненадолго уехал, но оставил записку, чтобы его ждали.

Солнце снижалось, тени становились резче. Тонкая девочка лет десяти в скромном платье и легких туфельках шла куда-то совсем одна по пустой вечерней узкой улице вверх, по направлению к большой дороге. Будто призрак из фильма «Дорога», она обернулась, гордо повела плечами и двинулась дальше, словно взрослая, к большой дороге, горящей светом электрических фонарей и шумящей дорогами авто, пока горизонт не поглотил ее.

Белларива

В Римини говорят: даже если вы совершите путешествие по всей земле, вы никогда не узнаете столько, сколько расскажет вам море, море хранит больше знаний, чем что-либо на свете, только если вы способны заставить море говорить.

Благословенные берега Адриатики, Эмилия-Романья — царство нежного, но весьма жизнестойкого бумажного цветка. Он бывает белый, сиреневый, синеватый. Он здесь повсюду. На песчаных побережьях Белларивы можно наблюдать, как эти тонкие лепестки осыпаются на песок, отдавая свою красоту всю до конца этой земле, увидеть, как спеет виноград, услышать тягучие гласные в темпераментной речи наследников кельтов и римлян, их певучие интонации. Они ездят повсюду на велосипедах и мопе-

дах, деликатно уступая дорогу прохожим и друг другу в невообразимой тесноте и суеде дорог, везут своих крошечных малышей и корзины со снедью. И повсюду здесь морской ветер, от которого вьются волосы, соленый ветер, стрекот вечерних цикад.

Белларива оказался раем вполне осязаемым, районом отелей, мускатного винограда, олив и пляжей. День начинался, море играло лазурью. «Белла, чао!» — пожилой худощавый старик в черных шортах и соломенной шляпе помахал приветливо рукой. Он пытался выудить своего внука из-под лодки, лежащей на песке вверх дном. «Чао!» — крикнул мальчишка, вылезая из-под нее. «Это Паоло, мой внук! Откуда вы?» — спросил старик. Мальчик улыбнулся и помахал рукой в знак приветствия. «Меня зовут Витторио. Я вам расскажу про Тоскану», — сказал он.

Семья Витторио, его жена, дочь, зять, Паоло и его старшая сестра Джулиана сидели под зонтиками в шезлонгах. Витторио достал из сумки карту, показал крепким, грубым от трудов пальцем: «Вот Тоскана, моя родина, вот Флоренция. Мы с Энрикой работаем на экоферме, делаем вино, у нас фабрика, очень маленькая фабрика...» — он протянул мне бутылку белого вина. «Мой отец работает полицейским в музее палатцо Веккьо, — сказала Джулиана, — и если вы приедете во Флоренцию, он проведет вас ночью в музей. Вы бывали в музее ночью?» Они хотели поговорить с незнакомым человеком, как будто ловили каждый момент жизни как ценность и как подарок, который надо использовать с радостью и разделить с другими, и делали это непринужденно и просто.

Аккордеон ресторанный певца на открытой террасе развлекал иностранцев старой грустно-ироничной итальянской песенкой. Копченые рыбины и листья рукколы источали дымок и аромат удовольствия. «Ты хочешь выглядеть американцем!.. Послушай-ка, кто тебя заставляет это делать?»

Желания

В автобусе дети из школьного класса расселись повсюду — на полу, на ступеньках. Класс галдел, как стая сорок, смущая окружающих, но учителя имели вид отстраненный. Молодой учитель, красивый, стройный, в джинсах и клетчатой рубашке, глядел задумчиво в окно автобуса. Его ученица, в коротких шортиках, светловолосая «Лолита», с лицом еще детским, сзади обхватила своими руками его за плечи. Перегибаясь в тесноте автобуса, она переместилась и стала перед ним, взяла ладонями его голову и заглянула в глаза. Учитель стоял, глядя куда-то вдаль, вдоль ее плеча, и не двигался.

Владелец нашего небольшого частного отеля Эмилио готовил кофе для постояльцев в темноте бара. Вскоре он вышел из темноты на террасу, глядя на экран телефона. Глаза его радостно блестели:

— Ты слышала? Взрыв в аэропорту Стамбула. Теперь больше туристов приедет ко мне. Конечно, мне жаль людей. Это просто бизнес, ничего личного. А знаешь, почему провинция называется Эмилия-Романья? Это в честь меня!..

Появилась она, подруга Эмилио Сюзанна, настоящая красавица. Большие выразительные глаза, прямой острый носик, бледность с полотен Боттичелли. Легкая фигура, светлые короткие волосы, открытое зеленое льняное платье, гранатовые бусы.

И при такой-то роскошной подруге Эмилио никогда не упускал возможности случайного флирта. Своими комплиментами он заставлял женщин смущаться, с удовольствием наблюдая это смущение. Когда у меня из номера пропало нижнее белье, он будто ждал этого сообщения. Радостно воскликнул: «А тебе и без него хорошо!» Через пару дней незаметно вернулась пропажа в мое отсутствие, разложена была красиво посередине кровати. Ох уж эти итальянские то ли шутки, то ли насмешки.

Я постепенно привыкала к местной привычке с легкостью разговаривать с незнакомыми людьми, к нечаянным комплиментам, воздушным поцелуям от взрослых и детей. Оказывается, это все очаровывает человека, живущего в хмуром северном мегаполисе, в его ритме быстром и напряженном.

— Пойдем, хочу показать тебе нечто прекрасное, — сказал Эмилио.

В его саду, если так можно было назвать узкую полоску земли вдоль стены отеля, распустились розы. Он опустился на корточки перед ними.

— Посмотри, какие красивые!..

Флоренция

За окнами неслись горы, синеющие высокими пиниями, средиземноморскими сосенками, напоминающими руки земли, тянущиеся к небу, и — виноградники, ждущие урожая. Поля, поля, поля. Как будто небесная огромная гребенка причесала эти горы, оставив ровные ряды. Станции были похожи друг на друга — небольшая церковь с живописными потеками на стенах, двое полицейских, прогуливающиеся вдоль платформы.

В Фаенце подсели двое молодых людей — итальянка и африканец. У парня был с собой музыкальный инструмент, наподобие лютни, с круглой декой оранжевого цвета и длинным тонким грифом.

— Он сделан из тыквы, — сказал парень. — Хотите, сыграю?

Он водил смычком по длинным струнам, то склоняясь всем телом к инструменту, то отклоняясь. Музыка была очень красивая. Поезд приближался к Флоренции.

Усевшись на мраморные ступени у палаццо Веккьо, поднимешь голову и обнаружишь сплетение мужских и женских тел на античные сюжеты, созданные с избыточной пылкостью. И даже конь, укрощенный Гераклом, выворачивает свою мощную шею так, что видны надувшиеся вены и напряженные мышцы. При взгляде на него кровь начинала стучать в висках, обманутая блеском пресыщенных роскошью больших городов.

В полукруге арки, открывшей кусочек неба, чернеет красивый торс Персея с головой медузы в руке. Работа Бенвенуто Челлини. Все же медуза не похожа на мертвое чудовище, она похожа на женщину после соития, что и говорить, голову она уже потеряла. Тем не менее призыв на пьедестале статуи «Ad astra» напомнил об одном биографе Челлини, который утверждал, что в этой работе скульптора зашифрована суть любви мужчины к мужчине. Биограф также упоминал список отца церкви Климента Александрийского, где значились все влюбленные античные пары, и указывалось, что Персея любил сам Гермес.

Обратная дорога к поезду вела через рынок и магистрат, мелькали витрины с мороженым, ювелирно залитым узорами цветной глазури и шоколада, лавки гобеленов, кружево и бархат, банты на балетных туфлях, органза и шелковые розы. Уличный художник рисовал аэрозольными красками на асфальте Джоконду. Осуждающе во все стороны света глядели глаза святых со стен собора Санта Мария дель Фьоре.

Приближался вечер, уличные жонглеры и акробаты, банкиры, нищие, попрошайки, торговцы, проститутки, цыгане, как и пятьсот, и тысячу лет назад, были заняты каждый своим промыслом под лучами заходящего солнца.

Яхты

У церковных колоколов звук всегда тревожный. Послышался набат колокола с мрачной колокольни времен фашизма, напоминающей электрическую опору с отсеченной

вершиной. Когда-то женщины Римини, как Градиска с киноплёнки, кричали здесь: «Дайте мне до него дотронуться! Я хочу до него дотронуться! Да здравствует дуче!» Был жаркий день. Вокруг моста над яхтенной пристанью было небо, дома, на одном из них виднелась надпись «Наци — говно».

Белые яхты покачивались на тихой воде, отражая золото ажурных облачков. У горизонта золото неба сгущалось, а ввысь рассеивалось, переходя в лазурь, пересеченную облачным дымом, словно растертым ветром по небосклону. На мосту сидели бекасы со взъерошенными от ветерка перышками на головах. Мачты грустили о чем-то на фоне облаков, их очертания повторялись в прозрачной позолоченной воде.

Каждое место охраняемо его гением. Римини, мне думается, охраняет дух Феллини. Приходил вечер, и песчаный берег Белларивы приобретал стальные краски темнеющего неба. Тучи еще прорезал белый холодный свет вечернего зарева, но он отступал под напором ветра, и на сером занавесе облаков все ярче светились неоном далекие огни колеса обозрения, откуда доносились смех и музыка. Пенистая рябь волн накатывала тихо на песок.

* * *

Маятник качается над бездной. Раз-два.

Все тяжелое и печальное, что было раньше, растворилось и смешалось в Римини с историями других людей и теперь сходило с сердца, как сходит старый ил с омываемого волнами камня.

Город моего детства изменился, с его полотен, улиц исчез Ленин, и появились новые портреты новых лидеров. Старшеклассницы стали пользоваться косметикой и французскими духами, в нарушение старых школьных устоев, которым им уже не хотелось подчиняться. С нами воевала старая дама, учитель обществоведения и школьный парторг. Она со сладострастием водила девочек в туалет смывать макияж, она стояла на страже старых устоев до последнего. Но это уже ничего не могло изменить, маятник качался быстрее, времена старой школы вместе с прежней страной уходили в прошлое. И это было не только из-за духов и туши на ресницах, это было из-за книжек и фильмов, к которым страстно тянуло тогда, чтобы узнать об окружающем мире как можно больше, и из-за «Амаркорда». Он тоже разрушил многие иллюзии. Школа стоит до сих пор. В ней нет Рональда Петровича, говорили, что он куда-то переехал. Спустя много лет среди новостей Интернета мне попала статья нашего учителя с воспоминаниями об одном из его учеников, основателе крупнейшей в России поисковой системы.

Впечатление от дома, города, реки или гор складывается из многих вещей. Музыка, великое кино, любовь к велосипедам, запах кофе и коричневое мороженое, оплывающее в зеркалах джелатерий, вышивки и блестящие ткани, полдневная жара и закат над морем, бродяги на вокзальной площади, воробьи, высокие окна благородных вилл, смех и улыбки, все это окружало меня в Римини. Но кроме всего, невозможно было не почувствовать сердцем радость жизни, свойственную жителям этого города, пробивающуюся отовсюду, как зеленые ростки сквозь античные камни.

Так и мы пробивались когда-то, как ростки, крепили, и ждали, и надеялись, и верили в счастье.